

*Дмитрий
Рябуха*

В ДУШУ ЛИРИКА ПРИШЛА!

ГОРЫ

Ой вы, горы-горы,
Кручи золотые!
Ой, над вами, горы,
Тучи голубые.

Почему мне близок
Ваш размах орлиный,
Отчего люблю я
Снежные вершины?

Видно, оттого что
Я живу привольно
Средь людей крылатых
И в стране раздольной.

В той стране, где каждый
В жизни непоседа,
С сердцем глубже моря,
С волей выше неба.

ВЫ БУДЕТЕ ЖИТЬ ЛУЧШЕ

Отцы в лихолетье
На тропах кривых
Вздохали над нами не раз:
– Крепитесь, дети,
Растите –
Вы
Жить будете лучше нас.

И мы крепились,
 Мы верили им,
 И в жизнь распахнувши дверь,
 Мы кровью добыли
 Детям своим
 Всё,
 Чем богаты теперь!
 И дети наши, пожалуй, правы,
 Гордясь тем богатством сейчас,
 Ладно,
 Гордитесь! –
 И всё-таки вы
 Жить должны
 Лучше нас!

МАЙСКОЕ

День такой цветет над миром,
 Что душа светлым-светла!
 Из души ушла сатира,
 В душу лирика пришла.
 Потому, что в жизнь влюбленный,
 Полон солнцем через край,
 Вдоль по улицам зеленым
 В синей майке ходит май.
 Свищет птицами в заречье,
 В травах маками горит –
 И на солнечном наречье
 Сердце с сердцем говорит.
 Май раскинулся над миром,
 И душа светлым-светла!
 Из души ушла сатира,
 В душу лирика пришла!

* * *

Ты мелькнула, как в небе комета,
 Где кругом ни концов, ни начал.
 Но, казалось, когда-то и где-то
 Я тебя не однажды встречал.

Думы бродят в былом, как в тумане.
 И тоскливо и весело мне:
 Я припомнил, что в юности ранней
 Эту девушку видел во сне.

ДЕНЬ ОТСВЕРКАЛ

День отсверкал.
Густеет сумрак ночи,
Укрылись дали чёрной пеленой.
Да где ж они, те ласковые очи,
Что отобрали у меня покой?!

Люблю я их без края и границы.
И долго будут в памяти моей
Упрямо жить стрелчатые ресницы
И два крыла чарующих бровей.

Люблю я их,
А в сердце ноет рана:
Промчится год, мелькнут колёса – дни –
И скроется во временных туманах
Мой идеал лирической любви.

Останусь я стоять на перепутье,
Смотреть, разбитый сердцем и душой,
Как движется за дымкой серой грусти
Девичий образ, локон золотой.

г. Семипалатинск, 1940

* * *

Иду опять домой я одинокий
В тиши ночной
И образ твой живой и ясноокий
Несу с собой.

Горит в груди, пылает ярко в жилах
Огонь любви,
И погасить теперь его не в силах
Ни я, ни ты.

Хоть от тебя взаимности ответной
И не дождусь,
Но всё ж любить тебя я беззаветно
Не откажусь.

И если тот найдётся неизбежно,
Кто сердцу мил,
Скажи ему, пусть любит тебя нежно,
Как я любил.

А я опять останусь одинокий
С больной душой,
И буду век твой образ ясноокий
Носить с собой.

с. Чилик, 1943 г.

* * *

С чего пошло? –
Доныне непонятно!
И кто из нас
Раздул пожар такой?
Расстроились,
Рассорились внезапно
До синевы, до одури тупой.

Разгорячась,
Искали напряженно,
Какой бедой сразить друг друга вновь –
И прямо в души
Страстно,
Разъяренно
Вонзали жала ядовитых слов.
Швыряли бомбы жгучих поговорок,
Громов и молний
Жуткий арсенал.

Но в тот момент,
Когда шальная вспышка
Могла спалить друг к другу мост любой,
Вбежал, рыдая,
В комнату сынишка –
Мы обмерли:
– Что, крошка,
Что с тобой?!!
А он ревел,
Зажав ладошку кепкой,
Текли слова, обидою звеня:
– Я во дворе ударил щепку щепкой,
И щепка поцарапала меня!

Царапину мы ту забинтовали
И друг на друга подняли глаза,
Они теплынью ласковой сияли –
Исчезла в них
Недавняя гроза.

* * *

Всё чаще и чаще
К трюмо ты подходишь,
Глаза молодые
Тревогу таят:
Всё больше сединок
Ты в косах находишь,
Всё шире морщинок
Предательский ряд.

Ты плачешь,
Ты мажешься краской с досады –
Ресницы и брови
Видны за версту...
Зачем ты хоронишь
Под слоем помады
Души нестареющей
Красоту!

СТРОКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Не смотри ты на друга с досадой
И не думай его жалеть,
Если он
И делами,
И взглядом
Рвется в высь далеко лететь.
Пусть не будет тебе обидно
Сердцем путь непоседе греть:
Ведь, чем выше –
Тем дальше видно,
А чтоб не было жить нам стыдно,
Надо в жизнь
Далеко смотреть!

* * *

Мне понятно вдруг стало –
Нам с тобою всерьез
Вместе радости мало
И невесело врозь.

Не с того ли, подруга,
Меж другими в пути
Потерять мы друг друга
Ни за что не хотим?

И хоть вместе нам тесно,
Хоть и горько до слез,
Но душе повсеместно
Горше, если мы – врозь!

О БЫВШЕМ ДРУГЕ И ЕГО СОБАКЕ

В далеком детстве друг достался мне,
Который без особенных усилий
Всегда умел остаться в стороне,
Когда меня в ребячьих драках били.

Но был у друга моего щенок –
Ценю его отважную породу! –
Он по своей привязанности мог
Пойти за мною и в огонь и в воду.

Всегда меня встречать он выходил
И провожал по мягкой кромке луга,
И я щенка лохматого любил
Сильней, пожалуй,
Чем парнишку – друга.

Однако, в потасовках
В меру своих сил
Всегда старался
Быть на стороне парнишки
И, как трофеи,
С гордостью носил
На голове царпины и шишки...

Текли года.
Я был с судьбою в ссоре,
И мне вовеки не забыть того,
Когда впервые поделиться горем
Пришел я к другу детства моего.

Но друг меня узнать не захотел
И не открыл на стук призывный двери...
Лишь пес его мне мордой руки грел –
Как прежде, он со мной не лицемерил.

И я ушел, продрогнув на ветру
Среди ночного, воющего мрака...
Да, хорошо, когда собака – друг,
Но очень плохо, если друг – собака!

В РЕСТОРАНЕ

– Официант,
Я манты заказал! –
Взмолился посетитель на весь зал.
– Смотрите на него,
Видали?
По-моему, вам их давно подали.
– Да разве ж это манты?
В них же лук один!
– Неправда, гражданин, –
Зевнул официант,
Прикрыв ладонью скуку, –
– Зачем – один?
В них много луку!

В ЗООПАРКЕ

– Иван Иванович, беда, скандал!
На вашу тещу
Тигр напал!
– Да что ты говоришь?
Вот в жизни как случается!
Ну, коль он сам напал,
Пусть сам и защищается!

ВЕСЕЛЫЙ ПЕТУХ

– Послушай-ка,
Федот!
С чего у вас петух весь день поет?
– А что ж ему не петь, –
Вздыхнул Федот в ответ, –
Жен много у него,
А тещи нет.

НЕ УГОДИЛ

Молодой парнишка
Волновался,
Перед будущей тещей
Извивался:
– Стоит мне
На вашей дочери жениться,

На неё я буду
Весь свой век молиться,
На руках
Весь век её носить,
Ноги мыть
И воду эту пить!
– Уходи, –
Сказала тёща, –
Прочь, хамлет:
Кто ж вам будет зарабатывать
На хлеб?!

* * *

В час, когда, тишины не наруша,
Я читал тебе песни те,
Где поэт свою чуткую душу
Распинал на железном кресте.

Свив из чувства крученые плети,
Сам себя он по сердцу бил,
Потому что людей на свете
Больше жизни своей любил.

Плеть свистящей змеей обвивалась,
Не тряслась, не дрожала рука –
Кровью сердца насквозь пропиталась
В этих песнях любая строка.

Кровь такую века не просушат!
Неужели ж не сможешь опять
Через эту распятую душу
Мое сердце живое понять?!

Ты же мне ничего не сказала,
И сказать ничего не могла:
Завернувшись в теплынь одеяла,
Ты привычно покойно спала.

